

Подъ живымъ впечатлѣніемъ отлученія отъ Церкви онъ рѣшился забросать ее, сколько можно, грязью, и все священное писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, все богослуженіе, всѣ таинства и особенно духовенство всѣхъ церквей. Толстой, исказивъ смыслъ Евангелія, исказилъ смыслъ Ветхаго Завѣта и искашенія событий передаетъ въ насыщеннымъ тонѣ, подрывая въ читающихъ всякое уваженіе къ святому писанію; надѣвъ всѣмъ, что дорого для христіанина, на что онъ привыкъ смотрѣть съ дѣтства съ глубокимъ благоговѣніемъ и любовію, какъ на Слово Божіе, онъ дерзко насыщается.

Толстой переносить свои поруганія на духовенство, на Церковь, на св. Писаніе В. и Н. Завѣта и на Самаго Господа, и говоритъ: была-ли такая вредная книга въ мірѣ, надѣлавшая столько зла, какъ книга В. и Н. Завѣтовъ... Это прямо относится къ толстовскимъ сочиненіямъ, не было вреднѣе ихъ: Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауеры, Вольтеры,—ничто въ сравненіи съ нашимъ безбожнымъ россіяниномъ Толстымъ. Написанное Толстымъ въ «Обращеніи»—съ точки зрењія христіанской—одно безуміе.

* * *

Можно-ли говорить съ человѣкомъ умопомѣшаннымъ, потерявшимъ здравый смыслъ, здравую вѣру, отрицающимъ общепризнанную живую и животворную истину, отрицающимъ, что А есть А, или—дважды два четырѣ, не признающимъ Алѣфы и Омеги, съ человѣкомъ, признающимъ разумъ человѣческій, отуманиенный и извращенный грѣхомъ, за исходную точку вѣры и познанія? Невозможно! Таковъ именно и есть графъ Левъ Толстой, отвергающій откровенное Слово Божіе—Библію и Евангеліе и свой близорукій извращенный разумъ ставящій исходною точкою всѣхъ знаній, высшимъ Библіи и Евангелія, Библію и Евангеліе считающій за сказку, какъ и житія святыхъ.

Толстой въ области религіи показывалъ всю свою умственную тупость, все свое пресмыкательство по землѣ,